

Олег Овчинников

Два мира – два солнца



Часть сборника
Фантастика 2002. Выпуск 3
(сборник)



Олег Овчинников

Два мира – два солнца

«Автор»

2002

Овчинников О. В.

Два мира – два солнца / О. В. Овчинников — «Автор», 2002

Два курсанта – будущий специалист по космическим контактам Редуард Кинг и будущий ксенобиолог Николас Лэрри – отправляются в космическую экспедицию к очень странной звезде и встречаются там с...

© Овчинников О. В., 2002

© Автор, 2002

Олег Овчинников

Два мира – два солнца

Редуарду Кингу в день двадцатидевятилетия.

Прежде чем поприветствовать вошедших, шеф пару минут демонстрировал им насупленные брови и то место на своей голове, где две обширные залысины собирались на затылке в аккуратную плешь. А когда оторвал тяжелый взгляд от стилизованной под дуб столешницы, Редуарду с Николасом стало ясно, что никакого приветствия они не дождутся. По крайней мере сегодня.

– Во всей Вселенной нет двух одинаковых звезд, – издали начал шеф. Затем непоследовательно продолжил: – Однако, они существуют. – И посмотрел на подопечных с некоторым вызовом.

– Разрешите присесть, – обратился к старшему по званию Николас Лэрри, ксенобиолог. Правда, пока еще не дипломированный.

– Обойдетесь, – мотнул головой шеф, но Николас все-таки сел.

Субординация субординацией, рассудил он, однако, ниже курсанта все равно не разжалуют. Других свободных стульев в кабинете не наблюдалось, поэтому Редуарду Кингу волей-неволей пришлось блюсти дисциплину в гордом одиночестве.

Шеф скосил глаза в сторону и заговорил по обыкновению очень тихо и неразборчиво. Слова с трудом проникали сквозь неряшливую клочковатость его бороды. Они угасали и растворялись в ней, словно бортовые огни улетающего звездолета в ночном небе.

В точности такого звездолета, какой изображен на значке, пришпиленном к мундиру шефа. Зеленем Значке Космодесантника!

У Редуарда тоже со временем будет такой. Не звездолет, конечно – значок! Сам шеф в присутствии всей группы приколет его на лацкан курсантской куртки и пробормочет что-то, приличествующее случаю. А Редуард, гордый и немного смущенный, произнесет слова торжественной клятвы:

– Клянусь, улетающий в даль звездолет
На сердце буду беречь.
За бортом что-то космос о звездах поет,
Но слишком невнятна их речь...

Последние две строчки сложились сами собой. Речью шефа, должно быть, навеяло.

Кстати, о невнятице... Редуард Кинг, будущий специалист по космическим контактам, вздохнул и незаметно ущипнул себя за курносый нос, прогоняя с лица глупую мечтательную улыбку. Все это еще будет, успокоил он себя, и значок, и нормальная форма десантника вместо фиолетовой курсантской курточки, обязательно будет... Если сейчас он сосредоточится, вслушается во все эти «бу-бу-бу» и «кхэ-хм» и попытается наконец понять, чего от него хочет шеф.

Из невнятного бормотания между тем следовало вот что.

Звезды похожи на снежинки. Не потому, что маленькие и холодные, а потому, что, несмотря на кажущееся сходство, невозможно из множества похожих выбрать две абсолютно одинаковые.

Каждая звезда уникальна. Она характеризуется своими размерами, спектральным составом, траекторией движения относительно центра галактики, наличием планетарной системы и чем-то еще, о чем шеф упомянул совершенно вскользь.

Итак, тезис первый. Во всей Вселенной нет двух одинаковых звезд.

А теперь второй. Все готовы? Так вот, первый тезис, увы, устарел.

Доказать это удалось группе астрономов из Угугумской (так назвал ее шеф) обсерватории при, скажем так, одноименном университете. Собранный ими телескоп, в основу функционирования которого положен принцип каких-то там последовательных приближений, помог обнаружить новую звезду в созвездии... судя по названию, весьма отдаленном. Более того, звезду, по всем параметрам идентичную другой, уже занесенной в звездный каталог. Так что ученые поначалу даже усомнились в первородстве своего открытия. А не изобрели ли мы очередной велосипед на пороховом ходу? – задумались они. То есть, проще говоря, не открыли ли по второму разу давно известную звезду?

Но тут внимание астрономов привлек тот факт, что звезда, обнаруженная первой, представляет собой не что иное, как...

Окончание фразы шеф, казалось, проглотил, не жуя, чем достиг безусловного перигея, иными словами, апогея со знаком минус в ораторском искусстве. Он произнес от силы два-три слова. А может, просто кашлянул. Или чихнул. А в ответ на дружное «Будьте здоровы!» одарил курсантов полным превосходства взглядом и добавил:

– Да, да, вы не ослышались!

– Набла Псилонца? – осторожно предположил Редуард.

– В каше стронций? – поморщившись, переспросил Николас.

Вместо ответа шеф досадливо наморщил лоб вплоть до макушки и, не оборачиваясь, ткнул пальцем в окно за своей спиной.

Курсанты как по команде посмотрели туда.

– А-а-а, наше Солнце! – сообразил Николас.

Вид теплого июньского солнышка в безоблачном небе немедленно вытеснил все прочие мысли из его головы. «В такую погоду!..» – неодобрительно подумал Николас Лэрри и потерял стеснявшую дыхание верхнюю пуговицу форменной куртки. (Справедливости ради отметим в скобках, что нижняя ее пуговица стесняла курсанта едва ли меньше.)

Нестерпимо захотелось на волю – если уж не на реку, то в лес или, как минимум, в парк. Словом, поближе к природе и подальше от бормотаний шефа, который знай бубнил себе под нос что-то про совпадение звездных величин, про светимость, тождественно равную единице, без запятой и знаков после нее, про прецессию планетарных осей и нутационные колебания...

В общем, из всей пространной речи шефа тренированное ухо будущего ксенобиолога выхватило только знакомое слово «мутационные», да и то, как оказалось, по ошибке.

– Думаю, не нужно объяснять, сколь важным для человечества является открытие звездной системы-близнеца? – спросил шеф. Однако, последовавшие объяснения растянулись еще минут на десять.

Редуард Кинг сосредоточенно внимал, закусив от усердия губу и повторяя про себя основные тезисы. «Одинаковые звезды. Одинаковые планеты. Особенно третья, ярко выраженного земного типа. Идеальные условия для возникновения и развития... Ух ты!»

– К сожалению, – в заключение заметил шеф, – к системе нет прямого гиперпути, и это существенно осложняет возможность ее исследования. Поскольку кораблю, отправленному в разведывательную экспедицию, придется лет десять плестись на субсветовых, а его экипажу, то есть вам, проваливаться в анабиозе.

– Нам?! – Николас рывком вышел из прострации. – Вы хотите сказать, что это мы отправимся устанавливать контакт с вашей гипотетической цивилизацией? Мы, не нюхавшие вакуума?

– Не мы, а вы, – поправил шеф. – Я лично останусь здесь. – Он обвел обреченным взглядом тесное пространство кабинета. – И не устанавливать контакт, а лишь провести предварительную разведку. Покрутиться на орбите, проверить кое-какие гипотезы, оценить перспективы... В общем, там на месте, разберетесь.

– Вдвоем? – ужаснулся Редуард, чье знакомство с иными цивилизациями сводилось до сих пор к просмотру обучающих видеофильмов в рамках спецкурса по контактологии. – А разве... Неужели для этой миссии нет более достойных кандидатов?

– Естественно, есть, – до обидного легко согласился шеф. – Но мало кто может так вот запросто согласиться на десятилетнее отсутствие. Вы оба – воспитанники интерната, родственников на Земле у вас нет, невестами, насколько мне известно, тоже обзавестись не успели, так что никто вас здесь не удерживает.

– Ну, это как сказать, – возразил Редуард Кинг, но так тихо, что практически про себя.

А Николас недовольно скривил губы. С формальной точки зрения шеф прав, родственников *на Земле* у курсантов не осталось, но ведь Земля – это не пуп Вселенной. И Млечный Путь на ней клином не сходится. К примеру, николасов непоседливый папаша сейчас болтается где-то между Марсом и Юпитером, благоустраивая необитаемые астероиды для состоятельных клиентов. А родители Редуарда – те вообще обретаются неподалеку: второй год ковыряют лунный грунт в поисках селеновых залежей. И все же шефу при всей его формальной правоте не помешало бы немного поучиться такту. Так-то...

– Насколько я понимаю, участие в экспедиции – дело добровольное. А если мы откажемся? – спросил Николас, в ответ на что шеф поинтересовался:

– Так. Есть еще вопросы?

– Да, – не спешил сдаваться ксенобиолог. – Относительно стипендии. Положена ли нам академическая стипендия за то время, что мы проведем в анабиозе? И если положена, то нельзя ли получить ее заранее? Хотя бы часть...

Дверь кабинета прикрывали старательно, в четыре руки. И тихо – тише, наверное, только в открытом космосе. Первые десять шагов по коридору курсанты, не замечая того, проделали на цыпочках.

– Легко отделались, – шепотом прокомментировал Редуард.

– Да уж... – прошелестели пухлые губы Николаса.

Теперь перспектива провести ближайшие десять лет вдаль от начальственного гнева, пусть бы и в анабиозе, не казалась обоим такой пугающей.

Два карликовых эвкалипта тянулись друг к другу, то ли простирая руки-ветви для прощального пожатия, то ли напротив, склоняя кудрявые макушки в приветственном поклоне. Окончательно слиться в объятиях им не давала проложенная между рядами дорожка. Вкупе с обступившими ее деревьями узкая, уставленная редкими скамейками дорожка образовывала не аллею даже – аллейку. Две прогуливающихся парочки, идущие по ней в разные стороны, пожалуй, еще смогли бы разминуться, но их действия при этом напоминали бы смену караула или шахматную рокировку.

Впрочем, в данный момент в парке гуляли только двое. Юноша и девушка, чем-то похожие на пару эвкалиптов.

– А обо мне ты подумал? – спросила Надя.

– Конечно, – неубедительно соврал Редуард.

– Врешь! – уверенно сказала она и опустила голову. – Никто никогда обо мне не думает.

С неба на них лилась музыка. Репродуктор скрывался где-то в кроне тороидального тополя, так что Редуарду казалось, что слова простенькой, но привязчивой песенки возникают прямо в воздухе, на высоте прыжка с шестом.

«Улетаешь ты -

Не на Солнце, не на Марс.

Улетаешь ты -

Это все в последний раз...»

– Когда ты вернешься... – трагически начала Надя.

– Если, – суеверно поправил Редуард.

– Так вот, когда ты вернешься, ты будешь таким же молодым, как сейчас. «И глупым», – мысленно продолжил Редуард. – А я стану совсем старой. Через десять лет мне будет уже... – Надя сделала вид, что от волнения не может закончить фразу, и негромко всхлипнула, отвернувшись.

Даже сейчас, безо всякого анабиоза, она была на четыре года старше Редуарда. Признаться в этом не хотелось.

– Ну, чего ты, – сказал он и от беспомощности взял ее за руку.

«Все мои мечты
Оставляя на потом,
Улетаешь ты -
Космос стал теперь твой дом...»

Конец аллеи приближался неумолимо. Дальше начинались приземистые строения службы наземного сопровождения и ограда космодрома. Оставалась последняя скамейка. Поравнявшись с ней, Надя остановилась и потянула Редуарда за руку, разворачивая лицом к себе.

– Ну, – сказала она. – Целоваться-то будем?

Жалко, что на космодроме не растут цветы, невпопад подумал Редуард.

– Я дождусь тебя, слышишь? – быстро-быстро зашептала Надя. Ее кудрявый локон шекотал ухо Редуарда. – Устроюсь гидом на экскурсионный по Золотому Кольцу – тому, что вокруг Сатурна. Мне подруга говорила, они, экскурсионные, еле плетутся, на второй космической. Это оттого, что туристы перегрузок боятся. Пять лет в один конец, представляешь? И почти все время в заморозке, так что разочек только слетаю туда-сюда, а там и ты вернешься...

Редуард слушал горячий девичий шепот и не находил, что ответить. Да и вряд ли во всей Вселенной нашлись бы слова, способные вместить в себя всю нежность и горечь неизбежной разлуки, которые он испытывал.

«Улетаешь ты -
Ключ на старт уже готов,
Улетаешь ты -
Вот и кончилась любовь...»

– Ничего не кончилось! – захотелось крикнуть Редуарду. – Настоящая любовь выдержит любые испытания и перегрузки, мы вместе пронесем ее сквозь годы, календарные и световые, чтобы...

Но вместо этого снова промолчал. К горлу подступал комок, а на глазах постепенно скапливалась, как сказал бы его лучший друг на ближайшие десять лет, секреция желез, расположенных в верхнелатеральных уголках глазниц.

По счастью, скоро пошел дождь.

Теплый, ласковый и, судя по нескольким солнечным лучам, отыскавшим бреши в плотной завесе облаков, подслеповатый.

Такое часто случается с новичками, не привычным к гиперпутешествиям. Первые несколько минут после выхода из гиперпространства в нормальное трехмерное все окружающие предметы кажутся им чересчур яркими и выпуклыми. Их хочется потрогать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.